

ТАТЬЯНА Воронцова

Тени
утренней
росы

18+

Татьяна Воронцова
Тени утренней росы
Серия «Время запретных желаний»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/54072573>

ISBN 978-5-17-126605-9

Аннотация

<p>«Как только мужчина и женщина перестают сражаться друг с другом, они становятся счастливыми». Прекрасная мысль, которая редко приходит нам в голову. Грубые, заносчивые мужчины не встречают понимания у обидчивых, строптивых женщин – вот и вся любовь. Но если повезет встретить человека, с которым можно отпустить себя на волю, жизнь уже никогда не станет прежней! Елена не верила в любовь, которая меняет не только мир вокруг, но и самого человека. Не верила до тех пор, пока не приехала отдохнуть на древний загадочный остров Крит.</p>

Содержание

1	4
2	15
3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Воронцова Татьяна

Тени утренней росы

Так же как актер всегда остается человеком, надевает ли он костюм своего персонажа или откладывает его в сторону, так и полностью познавший Нетленное всегда остается Нетленным и ничем более.

Шанкарашаръя. «Вивекашадамани»

1

Полдень. Вещи и люди почти не отбрасывают тени. И вновь, как вчера и позавчера, я удивляюсь, обнаружив себя здесь, на узкой извилистой дороге, ведущей к монастырю Превели, неподалеку от того места, где горная река Мегапотамус, вырвавшись из впечатляющего своей суровой первозданной красотой ущелья Курталиотико, впадает в Ливийское море.

Жизнь дала трещину, и это было вполне предсказуемо, если не сказать – закономерно. Беда в том, что я никогда всерьез не задумывалась о будущем. И не задумываюсь до сих пор.

Припарковавшись на плоской, как ладонь, площадке по соседству с экскурсионным автобусом, я вхожу в монастыр-

ский двор (привратник окидывает меня придирчивым взглядом, но я в джинсах и хлопчатобумажной блузке с коротким рукавом, что полностью соответствует требованиям этикета), привычно бреду вдоль стены, которую украшает мемориальная доска с текстом о подвигах солдат Британского Содружества в годы Второй мировой войны, приближаюсь к собору с двумя полукруглыми нефами и двумя алтарями, разобранному при турках и восстановленному при веротерпимых египтянах. Сворачиваю за угол и там, на каменных ступенях, ведущих к монашеским кельям, снова вижу этого парня с папкой на коленях и кусочком рисовального угля в руке.

Похоже, он приезжает сюда ежедневно. Как, впрочем, и я. Но если его еще можно понять (он здесь по делу, вдохновенно переводит бумагу, к тому же, по-видимому, не очень далеко живет), то меня... меня-то что гонит сюда за пятьдесят километров? Монастырский музей (иконы, священные сосуды, терновый венец, облачение и оружие иноков, участников освободительного движения) я уже осмотрела. На скамье перед Святыми вратами посидела. Полюбовалась превосходной панорамой южного побережья области Рефимно. Пора осваивать новые маршруты! Однако я снова здесь.

Черноволосый парень в застиранных джинсах и клетчатой рубашке навывпуск рисует левой рукой. Раньше я этого не замечала. Да я его и не разглядывала. Сидит на солнцепеке без головного убора...

Ну, хватит. Я рассердилась на себя. В конце концов, мне-то что за дело?

Он тоже увидел меня. Узнал, с мимолетной улыбкой кивнул. Черт, этого только не хватало! Я не собираюсь знакомиться с ним. Я не собираюсь знакомиться ни с кем. Мне спокойнее под моей шапкой-невидимкой.

Торопливо вступаю под своды собора, останавливаюсь у алтаря Благовещения Девы Марии.

Здесь полумрак и прохлада. Тихонько потрескивают свечи. Чей-то силуэт загоразживает дверной проем. Оборачиваюсь и со стыдом ловлю себя на мысли... ну да, почему-то я была уверена, что это мой художник. Так-так. А с какой стати я называю его своим?

Как бы там ни было, это не он. Просто какой-то одинокий турист.

Выхожу на улицу, на яркий солнечный свет, и бреду через двор, мимо колодца, вниз по лестнице – к фонтану. Здесь никого нет. Со вздохом облегчения присаживаюсь на каменный бордюр и, постепенно впадая в транс, смотрю сквозь стекла солнцезащитных очков на сапфировую гладь Ливийского моря, блистающую у подножия гор.

Спустя два часа он все еще рисует – увлеченно, неутомимо. По правде говоря, меня уже разбирает любопытство, но заглядывать ему через плечо я считаю недопустимым. Всё равно что читать без спросу письма или подслушивать телефонные разговоры. Сама я давно уже не рисую, несмотря на

имеющиеся навыки и специальное образование. Раньше – да. Время от времени. Когда была помоложе и не так ленива... Да нет, дело не в том. Просто в какой-то момент я поняла, что проектирование зданий не для меня. И перестала этим заниматься. А вскоре перестала и рисовать.

Встречать тусклый рассвет на громадных серых валунах под стенами Соловецкого монастыря, ежиться от ветра в короткой джинсовой курточке и рисовать, рисовать. Вот уж романтика! Обветренные губы, на лице ни грамма косметики – восемнадцатилетний гений, студентка Московского архитектурного института. Обязательная для всех практика после первого курса. Славное времечко: житье-бытье на втором этаже пустующей в период летних каникул деревенской школы. Раскладушки в ряд у стены (мальчики – 8-й «А» класс, девочки – 8-й «Б»), по вечерам плавающий под потолком сигаретный дымок (югославские сигареты «Ядран» с фильтром, пропитанным вьетнамским бальзамом «Золотая звезда», что делало их восхитительно ментоловыми, – о, студенческая смекалка!), днем архитектурные обмеры бревенчатых домов, объявленных памятниками старины, и – чертежи... нескончаемые чертежи. Кипы, тонны чертежей. Подобная работоспособность свойственна только студентам. Полуголодные (на дворе начало восьмидесятых, в продовольственных магазинах только водка и консервы), счастливые, обалдевшие от избытка впечатлений, после каторжной

работы над планами и фасадами мы спешим к берегу Белого моря или на широкое монастырское подворье – рисовать. Белое море, белые ночи... Вот где никто не заглядывал через плечо. Хмурые коренастые поморы только косились в нашу сторону с плохо скрытой неприязнью и ни разу не пытались поговорить. Мы были для них чужаками – слишком шумными, слишком заметными, слишком молодыми.

Да, есть что вспомнить. Перед сном в школьном классе, декорированном под общую спальню, – шепот, хихиканье, маленькие девичьи секреты. Днем – ползание на карачках с рулеткой и блокнотом по нежилым теперь уже горницам, светелкам и погребам добротных бревенчатых срубов. Абсолютное, беспредельное счастье, полное отсутствие мыслей о будущем. Катание на лодках по лабиринтам каналов, прорытых сто лет назад трудолюбивыми монахами. Каналов с красной от повышенного содержания железа ледяной водой, где под днищем лодки висят серебристые щуки, похожие на металлических монстров. Корабельные сосны, взмывающие до самого неба. Незабвенная подруга Надежда, позже предавшая меня и до сих пор не прощенная мною. Суета.

Поднимаясь по лестнице, я нарочно стараюсь не смотреть в его сторону, хотя и не знаю наверняка, там ли он еще. Мог ведь уехать. Ох... С папкой под мышкой и рюкзаком за спиной он направляется туда же, куда и я, – к выходу. Высокий, очень худой, с прямыми, развернутыми плечами и танцующей походкой манекенщика. Но манекенщики не просижи-

вают часами на ступенях древней обители, пытаясь выразить на бумаге подавляющее величие здешних мест.

Его хищная грация пленяет меня, и некоторое время я просто люблюсь издали каждым его шагом. Но тут он оборачивается и замирает на месте, будто перед ним не крашенная блондинка неопределенного возраста в шляпке и темных очках, а какой-нибудь Минотавр.

Кажется, у меня проблема. Он стоит, поджидая меня, прямо посреди площади, и нет никакой возможности избежать нежелательного знакомства. Боже, ну почему я такая дикая? Почему не могу просто подойти и поздороваться с человеком?

Глаза его скрыты стеклами солнцезащитных очков. Черные волосы, отросшие почти до плеч, перетянуты на лбу кожаным ремешком, как у индейца.

– Говорите по-английски? – спрашивает он. Тоже, разумеется, по-английски.

– Да, – отвечаю я после мучительных колебаний. – Немного.

– Немного? – Его одобрительная усмешка почему-то вызывает у меня негодование. – Хорошее начало. Обычно люди говорят слишком много и этим все портят.

Тембр его голоса завораживает. Баритон с легкой болезненной хрипотцой. Перекупался, что ли?

– Вы ходили к фонтану? – интересуется он, разглядывая меня сквозь темные стекла очков. Это страшно бесит, ослаб-

ляя мою решимость сохранить инкогнито. – Вам понравилось? Там сверху выбит знаменитый византийский палиндром¹, вы заметили? Знаете, что он означает?

– Что?

– *Смой все грехи, не только грязь с лица.*

Образованный, да? Что ж, примем к сведению. Уже у самых ворот он замедляет шаг и неожиданно спрашивает:

– Вы православная?

– А какое это имеет значение?

– Для православных вход в монастырь бесплатный. Конечно, это не так важно, но вы приходите каждый день...

Одарив меня странной улыбкой, лукавой и застенчивой одновременно, он поворачивается к привратнику и, к моему безграничному изумлению, начинает говорить с ним по-гречески. Бегло, без запинки, как на родном языке. Тот смотрит на меня, кивает, задает какой-то вопрос. Вопрос, ответ – обычное дело, вот только я не понимаю ни слова.

– Можете приходить в любое время, – объявляет мой спутник, завершив переговоры. – Вас пропустят без билета.

– Вас тоже пропускают без билета?

– Да, но по другой причине.

Пытается заинтриговать? Вряд ли. Несмотря на первоначальную неловкость и даже панику, вызванную его бесцеремонным вторжением в мой микрокосм, я все же признаю,

¹ Палиндром (перевертень) – слово, фраза или стих, одинаково читающиеся слева направо и справа налево, например, «кабак».

что давно не встречала человека, которому удавалось бы держаться так раскованно, абсолютно естественно, без всякой фальши.

– А вы, наверное, католик?

Опять эта улыбка, похожая на молчаливые извинения. Снимет он, наконец, свои очки или нет?

– Католик? Не знаю. Боюсь, со временем я перестал чувствовать разницу.

Сильно сказано – «со временем»... Так, будто ему лет девяносто, в то время как ему от силы двадцать пять.

Тема эта слишком обширна и многогранна, чтобы обсуждать ее при сорокаградусной жаре на открытой автомобильной стоянке, откуда начинается не самый комфортабельный в мире спуск в долину Превели, поэтому я начинаю прощаться.

– Приходите завтра, – говорит он без улыбки. – В одиннадцать часов. Придете?

Ах, мерзавец!.. Я чувствую себя в западне. Сказать «да» – значит связать себя обязательством. Сказать «может быть» – это уже кокетство.

– Вы видели Нижний Превели?

Название он произносит по-гречески: Като-Превелис.

– Нет? Я покажу вам. Это недалеко. Сейчас он закрыт для посещения, но мы перелезем через ограду.

Я пытаюсь представить себя перелезающей через ограду в компании этого молодого хиппи, и мне становится нехорошо.

шо.

– Вы сошли с ума.

– Да. – Он очень серьезен. – И надо сказать, это было делом не одного дня.

– Завтра? – Я сосредоточенно перебираю в уме список несуществующих дел. – Не обещаю, но постараюсь.

Мой уклончивый ответ обескураживает его, и он не считает нужным это скрывать.

– Вы всегда так чертовски благоразумны?

А как же! Благоразумие – оно-то в конечном итоге и привело к этому состоянию коллапса, в котором ты обнаружил меня, прекрасный принц. А ты? Тебе что же, удалось стряхнуть с себя всю эту шелуху, именуемую приличиями, чувством ответственности, здравым смыслом?

– Ладно, – произносит он наконец, убедившись в том, что я безнадежна. – Если надумаете, вы знаете, где меня найти.

Все-таки люблю я разговаривать с англичанами. Как мило прозвучало это *well*, по-русски так ни за что не скажешь. Если бы при этом он еще следил за произношением, а то ведь бормочет, будто у него каша во рту. Но на слух красиво, особенно если не вдумываться в смысл. Просто слушать как музыку. Как речь аборигенов какого-нибудь меланезийского архипелага.

Я иду к машине, он – к мотоциклу. Оказывается, эта черная «ямаха», которую я заметила еще вчера, принадлежит ему.

– Последний вопрос, – окликает он меня, когда я уже распахиваю дверцу своей малышки. – Вы приезжаете сюда каждый день. Почему?

Why? Он хочет знать *why*... Собираюсь с силами для правдивого ответа.

– Мм... Думаю, из-за дороги.

Брови его недоуменно приподнимаются, и я делаю попытку объяснить:

– Видите ли, здешние дороги, особенно последние шесть километров до Превели... Когда я ехала сюда первый раз, то на полпути вообще думала повернуть обратно. Мало того, что они не очень широкие, так еще и петляют то вправо, то влево, то в гору, то с горы. – Свою речь я сопровождаю жестикуляцией, что в общем-то мне несвойственно. – С одной стороны склон, с другой обрыв. И никаких ограждений! – Перевожу дыхание и всматриваюсь в лицо собеседника, бесстрастное, как у индейца. Должно быть, он считает меня идиоткой. – Второй раз тоже было не очень приятно, но уже легче. А сегодня я и не заметила, как добралась.

Он хмыкнул:

– Пожалуй, это причина, – и добавил после короткой паузы: – На западном побережье Крита есть такие места, по сравнению с которыми дорога на Превели – просто Бродвей.

Отвязный чувак на большом черном мотоцикле. Наверняка из хорошей семьи. Рисует, говорит по-гречески, лазает через заборы. Авантюрист доморощенный.

Выруливая со стоянки, я провожаю взглядом его «ямаху», уже набравшую приличную скорость. Минуту назад я имела удовольствие наблюдать, как красиво он стартует, а теперь шепчу себе под нос не то молитву, не то заклинание, от всего сердца надеясь, что он не свернет себе шею на этих убийственных виражах.

Когда я огибаю склон горы и по крутой дуге начинаю спуск к ущелью Курталиотико, мотоциклист на короткое время вновь оказывается в поле моего зрения. Он уже далеко, на подступах к следующему повороту. Ладони мои становятся влажными. Тормози же, дурак, тормози... И тут же мне становится стыдно за свою слабость. Почему с ним обязательно должно что-то случиться? И вообще, с какой стати я так разнервничалась, ведь это же совершенно чужой человек!

На той же скорости он уверенно проходит поворот и скрывается с глаз.

Прости, художник, чьего лица я так толком и не разглядела, но на руины Като-Превелис ты полезешь без меня. Курортный роман с иностранцем – это не то, в чем я нуждаюсь в настоящий момент. Мне будет легко забыть тебя.

2

Я иду по мосту, ни с того ни с сего оказавшемуся на месте знакомой, исхоженной вдоль и поперек улицы моего родного города. На мне длинный плащ и солнцезащитные очки. Мост не то через реку, не то через пропасть, а по ту сторону – какой-то сказочный пейзаж. Хорошо видны беломраморные лестницы, анфилады и пропилеи, стройные и соразмерные колонны античных храмов, фонтаны посреди цветущего сада, прогуливающиеся по аллеям празднично разодетые люди. Полная радостных предчувствий, я устремляюсь вперед, но чья-то невидимая рука срывает с меня очки, которые падают на асфальт и разбиваются вдребезги.

От неожиданности я останавливаюсь, разглядываю осколки, сверкающие у моих ног. Потом поднимаю голову и что же вижу?.. Мост, до середины которого остается каких-нибудь десять шагов, уже не выглядит таким надежным, как поначалу. Напротив, перейти по нему на ту сторону нет ни малейшей возможности! Посередине зияет глубокая трещина, а из нее вырываются струи горячего пара, брызги кипящей смолы, красные языки пламени и прочие хрестоматийные ужасы, которые традиционно символизируют преисподнюю. На самом краю трещины, преграждая путь смельчакам, в огненном зареве пляшут и кривляются жуткие твари, одна другой страшнее. Вместо волос ядовитые змеи, с острых клыков ка-

пает кровь. Это не призраки – это существа из плоти и крови, настоящие исчадия ада, и они мало-помалу приближаются ко мне.

В панике я оборачиваюсь, чтобы узнать хотя бы, кто и за чем сорвал с меня очки. В очках я бы смогла безопасно добраться до чудесного города! Откуда такая уверенность, я, правда, не знаю. Возможно, это заблуждение. Итак, я оборачиваюсь и вижу злоумышленника. Он совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. И хотя в его облике нет ничего пугающего, выглядит он престранно. Человек, но с таким обилием патологий, что назвать его мужчиной или женщиной можно только с натяжкой. Черты лица расплываются, тают, обозначаются на какой-то миг и тут же вновь ускользают от восприятия. Выражение глаз беспрестанно меняется, играя гневом, любовью, сочувствием и лукавством, кожа становится то белой, то шоколадно-коричневой, то желтой, то зеленой. Созерцание этого калейдоскопа лиц способно свести с ума. Тело его находится в постоянном движении: руки сгибаются и разгибаются, ноги выписывают немислимые кренделя, суставы, кажется, гнутся во всех направлениях. В целом он производит впечатление чего-то вязко-текучего, полиморфного, неуловимого, как Протей². К тому же он смеется.

– Извини, это просто шутка. Иди дальше. Очки тебе боль-

² Протей – в греческой мифологии морское божество, обладающее пророческим даром и способностью принимать любой желаемый облик.

ше не нужны.

Он не произносит это вслух, его голос звучит прямо у меня в голове, как и смех.

– Я не могу, – возражаю я. Тоже, кажется, мысленно.

– Не можешь? Почему?

Тем временем чудища подбираются все ближе.

– Они убьют меня, – говорю я в отчаянии. – Разорвут на части. Я умру!

– Конечно, умрешь, – соглашается он. – А ты хотела попасть в страну бессмертных, не вкусив смерти? Опомнись, Инанна. К чему тащить за собой весь этот хлам?

Пританцовывая на месте с грацией феи или русалки, он касается моей правой руки, и кожа начинает сползать с нее, подобно змеиной, обнажая кости. С криком ужаса я отдергиваю руку, его прикосновение причиняет дикую боль.

– Это я и пытаюсь объяснить тебе, дитя, – звучит негромкий, подобный музыке голос. – Ты слишком уязвима в этом теле. Тебе надо измениться, если ты хочешь продолжить свой путь.

– Не могу, – отвечаю я, вся дрожа. И начинаю пятиться назад. – Пожалуйста, отпусти меня.

– А кто тебя держит?

Со смехом он протягивает мне очки, целые, без единой царапины. Надев их, я уже не вижу ни этого странного существа, ни монстров из трещины, ни самой трещины. Самый обыкновенный мост, и я – единственный пешеход. По-

зади – город, откуда я пришла; впереди – город, куда я направлялась. Передохнув, я решаю идти не назад, а вперед, на этот раз в очках. Однако и вторая моя попытка заканчивается неудачей. Та же невидимая рука сдергивает с меня очки и разбивает об асфальт.

– Пойми, в очках ты можешь двигаться только назад. Чтобы идти вперед, тебе необходимо обрести зрение.

– Да кто ты такой? – кричу я и в ярости топаю ногами.

Осколки брызжут из-под моих каблуков. Я слышу смех. Тот же ужасный смех. И больше ничего.

– Ладно. – Из глаз моих льются слезы, но я, вопреки собственному нежеланию, делаю шаг за шагом до тех пор, пока не оказываюсь возле самого края обрыва. – Что дальше?

– Вперед, – звучит за моей спиной спокойный голос.

– Вперед – куда?..

Ответа нет.

Во сне мне вспоминается фильм – это уже форменное безумие – голливудский фильм про археолога Индиану Джонса. Он стоит, так же как я сейчас, у края пропасти и лихорадочно соображает, что же делать дальше. Что все это значит? В чем подвох? Я помню, что он в итоге сделал, и делаю то же самое. Шаг вперед. Шаг в пустоту, чем бы это ни грозило. И чувствую под ногой твердую почву. Огненные твари жалят меня со всех сторон, но я иду через плюющуюся огнем трещину, содрогаясь от ужаса и сознания невозможности повернуть назад. Точка пути, в которой это было еще

возможно, пройдена. Конец. Спасения нет.

– Не бойся.

Та же рука, что разбила мои очки, вешает мне на шею амулет – гладкий равносторонний крест на золотой цепочке. Амулет тоже непрерывно меняет форму. Через минуту он становится свастикой, еще через минуту – змеей, кусающей свой хвост, и так далее, до бесконечности. Целый ряд символов, значение которых мне неизвестно.

Я иду вперед, а мост рушится за моей спиной с оглушительным грохотом. Помня о печальной участи жены Лота³, я не оборачиваюсь, но дрожу всем телом. Мои волосы встают дыбом. Я кричу. И просыпаюсь в холодном поту, с тяжело бьющимся сердцем.

Это только сон. Только сон.

Я лежу в своей постели в одноэтажном белом домике на северном побережье Крита, неподалеку от селения Аделе, куда приехала, чтобы обрести душевный покой и уверенность в себе. Через щель между занавесками в комнату проникает яркий солнечный свет, за стеной слышится возня и осторожные шаги Урании, которая убирается в гостиной.

Услуги Урании, как и многое другое, в том числе сам дом со всей системой жизнеобеспечения, оплачивает некий пре-

³ В ветхозаветном предании жена Лота, племянника Авраама, была превращена в соляной столп за то, что нарушила запрет Яхве и оглянулась назад, когда ангелы выводили семью Лота из гибнувшего в огне города Содома.

успевающий бизнесмен из Гамбурга, потому что я, так уж получилось, младшая сестра его жены. Она-то и предложила мне пожить здесь до начала июля, а если понравится, то и до осени. Мол, поскучай немного, а там и я с детьми подъеду. До их приезда оставалось восемь с половиной недель.

Дом просто великолепен. Четыре комнаты (три спальни и гостиная), кухня-столовая, небольшая кладовка, санузел с ванной плюс увитая цветущей бугенвиллеей терраса, не говоря уж про выложенный голубой кафельной плиткой бассейн.

Но в бассейне я не купаюсь. Вместо этого я складываю в пакет купальный костюм, полотенце и крем от загара, сажусь в серебристую «киа-пиканто» и еду на один из пустынных пляжей Аделиано-Кампо. В разгар сезона здесь яблоку негде упасть, а сейчас, в середине апреля, туристов не так уж много, да и те, что есть, все больше отсиживаются на берегу.

Я уже успела побродить по узким улочкам Старого города, посидеть в тени у фонтана Римонди, выпить восхитительный черный кофе в таверне на набережной с видом на Микро-Кастро и в одном из ювелирных магазинов на улице Аркади купить себе греческий православный крест.

Венецианская гавань Рефимно переполнена рыбацкими лодками и прогулочными катерами. Кипучая деятельность, отрывистая незнакомая речь, темные глаза, смуглые лица, головокружительный запах морской воды... Это Крит, твержу я про себя, повторяю как заклинание. Крит, родина ве-

ликого бога древних. Земля, исполненная благодати. Она, и только она дарует исцеление тому, кто безнадежно увяз в лабиринте ничтожных, абсурдных, сиюминутных житейских проблем.

«Размазней ты была, размазней и осталась, – сказала мне Ритка при встрече (муж называл ее Марго, но для меня она была по-прежнему Ритка), – младшая дочь, с тобой вечно носились. Можно подумать, ты единственная женщина, пережившая развод. Не бедствуешь – это главное. А нечего было выходить за дурака! Помиришься с папой, и у тебя все будет».

С папой я помирилась, кровь не водица. А дальше-то что? Где источник живой и мертвой воды? Кто я есть – там, внутри, под этой жалкой, издерганной, рефлексирующей оболочкой?.. Все это здорово портило мне настроение. Позади остались зима, потом весна, а я все ходила кругами по выжженным землям своего Царства несбывшихся надежд и не находила там ни золотого ключика, ни волшебной дверцы за нарисованным очагом, которую можно было бы этим ключиком отворить. Словом, я переживала то, что Кэмпбелл в своем фундаментальном труде «Маски бога» называет «темной ночью души».

На свидание к художнику с походкой танцора я, разумеется, не поехала. Мальчик на десять лет моложе. Ну, допустим, не на десять. Допустим, на восемь. Но уж на шесть-то наверняка! Нет, дорогие мои, я еще не выжила из ума.

А тут еще этот сон, точнее, кошмар. Давненько мне не снилось ничего подобного. Смеющийся демон: *опомнись, Инанна*. Инанна – богиня древних шумеров, одной из первых совершившая *descensus ad inferos*⁴ и благополучно вернувшаяся обратно. Почему он назвал меня так? Кто он такой? Танцующие движения. Космический танец Шивы. Мать честная, что за каша у меня в голове?

...и ответил бог: «Мой дорогой Арджуна, сын Притхи, созерцай же теперь мое великолепие, сотни тысяч разнообразных божественных и многоцветных форм. Смотри на все эти чудеса, которых до тебя никто не видел и о которых никто никогда не слышал. О, Арджуна, что бы ты ни захотел увидеть, все это есть в Моем теле. Эта вселенская форма может показать тебе все, что ты пожелаешь увидеть сейчас и что ты захочешь увидеть в будущем. Все – движущееся и неподвижное – находится здесь, в одном месте. Но ты не можешь видеть меня своими нынешними глазами, поэтому Я наделяю тебя божественным зрением. Узри мое мистическое могущество»⁵.

Странно, должно быть, чувствовал себя этот парень, Арджуна, услышав подобное от своего друга-колесничего перед началом кровавой битвы. Но странно – это не страшно. Мне же во сне было страшно. А на предплечье левой руки, которой коснулся демон, наутро выступило красное пятно.

⁴ Сошествие в ад (*лат.*).

⁵ Бхагавад-Гита, глава 11: Вселенская форма.

Впрочем, к обеду прошло.

– Мадам, ужин готов, – доносится из кухни голос Урании.
– Подать вам на террасу?

Приветливая, расторопная Урания одно время работала горничной в отеле, поэтому худо-бедно говорит по-английски.

Я отпускаю ее домой, заверив, что уж с посудой как-нибудь справлюсь сама, и с легким ужасом обзираю гору съестного, предназначенную для утоления голода одинокой женщины тридцати пяти лет. Эти греки неисправимы. Наверное, с моего стола можно запросто накормить какую-нибудь бедную африканскую семью из семи-восьми человек, да еще пару котов в придачу.

Коты и кошки, кстати, обитают здесь в большом количестве, что не может не радовать. Поджарые, короткошерстные, на высоких тонких лапах, с длиннющими хвостами и большими ушами, с треугольными мордами и раскосыми зелеными глазами, кошки эти еще в гомеровскую эпоху попали на Крит из Египта, и с тех пор сотни маленьких Баст⁶ бродят по окрестностям, оглашая воздух пронзительными воплями и мяуканьем.

Управившись с посудой, я вновь выхожу на террасу с книгой и бутылкой Метаксы, чтобы послушать звуки критской

⁶ Баст – в египетской мифологии божество Луны, отражающей свет Солнца. Священное животное Баст – кошка. Изображали Баст в виде женщины с головой кошки; ее атрибут – музыкальный инструмент систр. Древние греки отождествляли Баст с Артемидой.

ночи, полюбоваться далекими огнями на склонах гор, а заодно поразмыслить, кем же может быть тот невероятный персонаж, что предстал мне во сне. Проводник душ вроде Гермеса и Мананнана Мак Лира?⁷ Или страж порога? Присутствие границы было очень явным. Я шла по мосту. И мост раскололся надвое. *Не бойся.*

По дороге проносится автомобиль, и опять никого. Только попискивают в темноте какие-то птицы, шелестят ветвями оливковые деревья, и где-то внизу, в туристической зоне, соединяющей поселки Миссирия и Платанья, играет музыка, которая здесь почти не слышна.

Я читаю при свете настольной лампы.

*Путь мифологического приключения героя соответствует формуле всякого обряда перехода: уединение – инициация – возвращение... герой – это мужчина или женщина, которым удалось подняться над своими собственными и локальными историческими ограничениями к общезначимым человеческим формам.*⁸

Вот бы еще понять, по какой причине я упорно продолжаю думать о нем. Мальчишка просто скучает. Не удивлюсь, если он подбивает клинья под каждую вторую туристку в возрасте от двадцати до сорока, не обремененную нравствен-

⁷ Мананнан Мак Лир – в ирландской мифологии бог морской стихии, покровитель торговли и мореплавания, а также подземного мира, бездны, всего иррационального.

⁸ Джозеф Кэмпбелл. Тысячеликий герой.

ными принципами, комплексом неполноценности и спутником жизни. Черт! Я начинаю рассуждать как среднестатистическая циничная разведенка.

«Тебе нужно пересмотреть свое отношение к жизни, – порекомендовала моя добрая сестрица, – и как можно скорее снова выйти замуж».

«Почему?» – тупо спросила я, в глубине души убежденная, что как раз этого делать не стоит.

«Жить одной легче, чем жить в семье. Такое существование может понравиться, и ты уже не захочешь впрягаться в эти оглобли».

Помню, о чем я тогда подумала: это говорит образцовая домохозяйка, примерная жена, мать двоих детей.

Мифологический герой – не защитник настоящего, а борец за будущее. Дракон, которого он должен убить, – это чудовище статус-кво: цепкий хранитель прошлого. Герой является из неизвестности...

Моя ближайшая подруга высказалась приблизительно в том же духе: «Если ты хочешь уверенности в завтрашнем дне, тебе, безусловно, следует выйти замуж».

Я посмотрела на нее, незамужнюю, с большим интересом.

«Почему?»

«Ну-у, муж – это деньги, социальная защищенность, престиж...»

«Сдается мне, для престижа заводят борзую, а не мужа».

«Да, но борзая не решит твоих проблем, – резонно возра-

зила она, – по крайней мере ВСЕХ проблем».

...и приносит с собой тайное знание, необходимое для уничтожения тирана. Жестом, простым, как нажатие кнопки, он разрушает кажущиеся вечными формы. Подвиг героя – это всегда сокрушение кристаллической структуры момента.

Такие слова для меня все равно что нож по сердцу. Сейчас я чувствую себя как замороженный полуфабрикат – покрытый ледяной коркой, отвердевший и совершенно не готовый к употреблению. Воды Эгейского моря ежедневно омывают меня, придавая суставам гибкость, коже – эластичность, ногтям – твердость и блеск. Все это прекрасно, за одну неделю я помолодела на несколько лет. Но внешний лоск, подобно грамотно спроектированному и отстроенному фасаду, создает лишь видимость благополучия, которого в действительности может и не быть. Фасад императорского дворца поражает воображение, даже когда империя на грани катастрофы. Кровопролитные войны, эпидемии, засуха, неурожай – все это незаметно для путешественника, с восторгом созерцающего золотые купола, фигурные порталы, арочные оконные проемы и цветные витражи.

Как существует понятие поворотной точки года – Небесной петли богини Кардеи, вокруг которой, согласно Варрону, вращается мельничный жернов Вселенной, – так и в моей, отдельно взятой человеческой жизни, судя по всему, намечался какой-то катаклизм.

Бессознательное посылает нам разного рода фантазмы, ужасы, иллюзии... ибо под фундаментом сравнительно упорядоченного строения, которое мы называем нашим сознанием, мир человека простирается далеко вниз, в неизведанные глубины, где обитают демоны – могучие психические силы, которым мы не захотели или не осмелились дать волю...

Легко сказать: дать волю психическим силам! Многие ли из нас это делают? Не захотели, а может, не осмелились. А зачастую даже и не задумались над этим. Ведь до определенного момента просто живешь так, как тебя приучили считать правильным, и вроде все у тебя как у людей, а потом – бабах! – просыпаешься, а вокруг руины. Руины того замка, который ты, оказывается, построила на песке.

...и они пребывают там до тех пор, пока случайное слово, или запах, или взгляд не коснется магической пружины, и тогда наш мозг начинают посещать опасные посланники. Они опасны потому, что угрожают нашей уверенности в будущем, но они также дьявольски пленительны, ибо сулят ключи от целого царства...

Всё, хватит! Знать ничего не желаю!

Захлопываю книгу, залпом допиваю бренди и иду спать. Проваливаюсь в пьяную дрему, но среди ночи просыпаюсь вне себя от ужаса. Кто-то громадный и разъяренный, как Змей Горыныч, склонился над моей постелью и плюнул огнем мне в лицо.

Бреду на негнущихся ногах к холодильнику, пью холод-

ную воду, умываюсь, закуриваю, варю себе кофе в полтретьего ночи. Потом сижу над чашкой за круглым, накрытым белой льняной скатертью столом в маленьком домике на одном из островов Средиземного моря и долго пытаюсь вспомнить, кто я.

3

Ровно в одиннадцать я уже на стоянке. Торопливо оглядываюсь по сторонам. Нет, черной «ямахи» нигде не видать. Да и машин-то всего четыре, не считая моей. Может, он приехал на одной из них? Трудно представить, но чего в жизни не бывает.

За полчаса я облазила весь монастырский двор, сбегала к фонтану, заглянула в кафоликон⁹ – этой сволочи нигде не было.

А кто тебе сказал, дуреха, что он здесь? Да что ему здесь делать, если он уже запечатлел на бумаге каждый камень, каждую трещину на ступенях этой святой обители? Рванул небось в Агия-Триада или еще куда-нибудь, достопримечательностей на острове хоть отбавляй. Да и вообще, порядочные люди так не поступают. Если ты хотела его видеть, надо было приезжать в назначенный день и час. Ведь вы договаривались, и он, возможно, ждал, а ты в это время валялась на пляже, или дула Метаксу, или таскалась по торговым кварталам Рефимно, разглядывая всякие никчемные безделушки.

Что ж, может, это и к лучшему. Посижу немного в тени, отдохну и поеду в Аркади. Осмотрю тамошний знаменитый монастырь, сделаю несколько фотографий. Зачем мне этот

⁹ Кафоликон – буквально «всеобщий». Центральный собор греческого монастыря.

мальчишка? Испытать на нем силу своих неотразимых чар? Пфф...

Солнце припекает. Справившись с эмоциями или убедив себя в том, что справилась, я двигаю в обратный путь. При-вратник нехотя поднимает глаза, молча кивает на прощание, и я киваю в ответ. Денег за вход он с меня не взял. Узнал и жестом велел проходить, что, конечно же, дополнительно кольнуло меня в область сердца. Может, попробовать рас-спросить его об этом парне? Ведь они знакомы, в чем я лич-но убедилась в прошлый раз. Но я ни о чем не спрашиваю – не потому, что стесняюсь заговорить с монахом, а потому, что боюсь услышать в ответ, что мой художник свалил на ро-дину (в Англию, Шотландию, Бельгию, Данию, Голландию) и в ближайшее время вряд ли появится в Превели. Что он не появится больше никогда.

В час дня я все еще дежурила на стоянке, изредка наведы-ваясь в ближайший кафетерий, чтобы выпить минеральной воды или просто посидеть под навесом. Все боги Олимпа, должно быть, потешались надо мной. Ну и что с того? Мне некуда спешить и нечего терять. Свободная женщина с мас-сой свободного времени.

Рев мотора заставил меня подскочить, а мое сердце – удвоить частоту сокращений. С горячей сигаретой в одной руке и бутылкой минеральной воды в другой, я стремитель-но обернулась. Не может быть...

Тяжелый черный мотоцикл летел прямо на меня. Черные волосы наездника развевались от ветра. Плотнo прилегающие к голове мотоциклетные очки с дымчатыми стеклами не позволяли разглядеть лицо. Да и могу ли я сказать, что видела его хоть однажды.

Выключив двигатель, он позволил мотоциклу подкатиться ко мне (я стояла у парапета, за моей спиной была пропасть), улыбнулся, не снимая очков, да так и остался сидеть, упираясь ногами в землю, скрестив руки на руле. Мужчина и его железный конь. Очень эффектно.

Прижимая к груди бутылку с водой, я с ужасом ждала его первых слов.

– Итак, вы это сделали. – Улыбка стала шире, блеснули белые зубы. – Непросто было принять такое решение, правда?

Я нервно сглотнула.

– Почему же?..

– Потому что сегодня вы приехали не в Превели. Вы приехали ко мне.

Можно было разыграть возмущение и наговорить кучу разных слов, но я знала, что это бесполезно. Он выслушает, улыбнется понимающе и сменит тему, а меня еще долгое время будет преследовать чувство неловкости, как бывает, когда допустишь какой-нибудь непростительный промах.

– Ты прав, – произнесла я намеренно резко. – Но ведь ты этого хотел, разве нет?

Сраженный ответом, он дрогнул, совсем чуть-чуть, и вце-

пился пальцами в руль мотоцикла. Что-то задело его за живое. Знать бы, что именно.

– Да, – ответил он после паузы. – Правда, я думал, что это произойдет намного раньше.

Рубашка у него на груди часто приподнимается от дыхания. На верхней губе поблескивают капельки пота. Его поза – расслабленная, непринужденная – выглядит непреодолимо сексуальной.

– Раньше? – Я пожала плечами. – Ну, вчера я была занята. Слушая эту ложь, он лишь сокрушенно качает головой.

– Вас не было четыре дня.

– Четыре дня? – переспросила я в притворном изумлении. – Неужели?

Всякий раз, когда меня вынуждают лгать или же я добровольно принимаю решение ограничиться полуправдой, мне сводит челюсть. Для окружающих это почти незаметно, и тем не менее...

– Вы рискуете обжечь пальцы.

С этими словами он забрал у меня окурок, демонстративно затянулся от него и щелчком перебрросил через парапет.

– Четыре дня. Я знаю точно.

Выпрямившись, он засучил рукав и показал мне четыре ножевых пореза на предплечье правой руки. Темные от застывшей крови, они выглядели так, будто кто-то, а точнее, он сам, четыре раза подряд рубанул ножом поперек предплечья, подражая героям вестерна, которые при помощи зару-

бок на стволах ружей ведут счет убитым краснокожим. Один из порезов был совсем свежим, слегка воспаленным. Наверное, появился только вчера.

Он спокойно держал передо мной вытянутую руку – великолепную, мускулистую, тонкую в запястье руку, – давая мне хорошенько рассмотреть.

– Я ждал вас, но вы не пришли. – Голос звучал буднично, словно он говорил о погоде. – На следующий день я ждал опять, но вы опять не пришли. Я был не в силах вырваться из этого заколдованного круга и наказывал себя за это. Не спрашивайте, что бы я стал делать, если бы вы не пришли совсем. Я не знаю.

Я остолбенело уставилась на него, лишившись дара речи.

Так искромсать себе руку только из-за того, что... Из-за чего? Я почти увидела, как это происходило. Резкий взмах, сверкнувшее лезвие, закушенные губы...

– Ты сумасшедший, – вырвалось у меня. – Ты просто псих!

– Да, и надо сказать, это было делом не одного дня.

Медленно он выбирается из седла, подходит ко мне вплотную (высокий парень, выше меня на полголовы, хоть я и не маленькая), снимает с меня соломенную шляпку, потом очки. Складывает все это на капоте моей машины, поворачивается и, протянув руку, прижимает ладонь к моему затылку, словно для поцелуя.

Ну, знаете ли!.. Я смотрю на него, щурясь от солнца. Тоже мне Клинт Иствуд!

Моя фантазия несколько приукрасила его. При ближайшем рассмотрении он оказался... более обыкновенным, что ли. Интересно, собирается он в конце концов снять свои очки?

Потеряв терпение, я сдерживаю их сама. И застываю, почти бездыханная.

Как я могла подумать, что ему двадцать пять лет? Этот взгляд с прищуром – неожиданно цепкий, пронизывающий, жесткий – взгляд нацистского преступника. Тонкая сетка морщин в углах глаз...

– Вот почему ты не снимаешь очки при первом знакомстве.

Он кивнул:

– Мои глаза пугают людей.

Я тоже чувствую себя озадаченной. Мой новый знакомый выглядит форменным маньяком, но не в этом дело. Есть одно обстоятельство, которое беспокоит меня гораздо больше, чем его внешний вид. Он изранил себе ножом то же самое место на той же самой руке, откуда во сне у меня сходила кожа от прикосновения многоликого демона.

Меня преследует и тяготит сознание неотвратимости происходящего со мной в последнее время. Это незнакомое, пугающее чувство. Похоже, я попала в сферу действия каких-то инфернальных сил – по глупости или по неосторожности.

Стоящий передо мной мужчина даже не пытается помочь

мне. Его светлые, почти прозрачные глаза – глаза цвета морской воды, какой она бывает в утренние часы на мелководье, – скользят по моему лицу, по груди в распахнутом вороте блузки, заставляя меня поджимать губы с нарочито неприступным видом. Светлые глаза, слегка выступающие скулы, волнующие очертания губ...

– Может, выпьем по чашечке кофе? – Он все же решил прервать затянувшееся молчание. Снял руку с моего затылка, сделал шаг назад и снова стал далеким и чужим, как раньше. – Или поедем купаться? Или еще куда-нибудь?

– Кажется, вы собирались показать мне Нижний Превели, – напомнила я, безоговорочно принимая правила игры.

Чужие так чужие.

– Да, конечно. Я рад, что вы помните.

И вот наша колонна, состоящая из мотоцикла и малолитражки, начинает движение к заброшенной пустыни, расположенной в трех километрах от приморского монастыря. Заявленная скорость – сорок километров в час. Зная о моем отношении к горным дорогам, ведущий милосердно придерживается ее, хотя в глубине души наверняка считает это капризом.

Изъеденные временем живописные звонницы и башенки Нижнего Превели видны прямо с дороги, поскольку сами постройки теснятся ниже по склону. Ни дверей, ни оконных переплетов. Только каменные стены. Глядя на них сквозь высокую сетчатую ограду, я задаю себе вопрос, каким образом

туда может проникнуть живое существо крупнее крысы. Однако мой спутник исполнен оптимизма, и вскоре мы уже стоим перед полуразрушенным зданием, которое не имеет ни кровли, ни балок перекрытия, только желтовато-серые облупленные стены с остатками штукатурки, и обсуждаем вопрос, стоит ли забираться внутрь или лучше ограничиться созерцанием этой остро нуждающейся в реставрации святыни с безопасного расстояния.

– Предлагаю подняться вон туда. Может, нам повезет, и мы отыщем святая святых и чудом сохранившийся древний алтарь. Ну что, вы согласны? В худшем случае все это рухнет нам на голову, и мы окажемся погребенными под руинами храма Господня вместе со святыми отцами. Существует ли лучший способ уйти из этого мира? Смотрите под ноги, ступени совсем обвалились. Стойте-ка, я проверю, нет ли там призрачного стража с огненным мечом в одной руке и распятием в другой. Ага... Ну, идите сюда. Дайте руку. Это место силы. Чувствуете?..

И всё в том же духе.

Осмотр печальных, но по-своему величественных развалин доставил мне настоящее удовольствие. Мой самозванный гид вел себя безупречно. Приподнимал, поддерживал, отряхивал, без конца задавал вопросы типа «все в порядке?», «вы не устали?», «как по-вашему, здесь не слишком грязно?» А главное, так и сыпал всевозможными историями о временах венецианского и турецкого владычества, о критских по-

встанцах, скрывавшихся в горах, о неравных битвах, когда монахи вставали плечом к плечу с мирянами, об открытии древнейшей в Европе минойской цивилизации.

– Вы любите этот остров, – заметила я, когда мы окончательно выбились из сил и присели на запыленные ступени одной из построек.

– Что, заметно? Можете не отвечать. А вам здесь нравится?

– Ну, в общем...

– Вы давно на острове?

– Уже неделю.

– Вот как? – переспросил он с иронией. – Уже целую неделю? – Его зеленоватые глаза на мгновение задержались на моем лице. – Откуда вы?

– Из Москвы.

– Из Москвы в России?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.